

ВЕЧНАЯ
МУДРОСТЬ

Конфуций

Конфуций
Вечная мудрость
Серия «Мудрость Востока»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18292822
Конфуций. Вечная мудрость: [перевод с китайского]: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-089540-3

Аннотация

Книга «Вечная мудрость» – это записи высказываний Конфуция, сделанные его учениками и последователями.

В 25 лет за свои бесспорные достоинства Конфуций получил общественное признание. Благородный правитель пригласил его посетить столицу Победоносной. Это путешествие дало Конфуцию почувствовать себя наследником и хранителем древней традиции. Он решил создать свою школу для познания Законов окружающего мира. Учение, созданное им, впоследствии стало идеологией и краеугольным камнем философии Древнего Китая.

Содержание

Глава I. Не приятно ли учиться...	5
Глава II. Кто управляет...	7
Глава III. Восемь рядов	9
Глава IV. Прекрасна та деревня...	12
Глава V. Гун Е-чан	14
Глава VI. Юна можно поставить...	17
Глава VII. Я передаю старину...	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Конфуций

Вечная мудрость

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

В 15 лет я обратил свои помыслы к учению.

В 30 лет – я обрел прочную основу.

В 40 лет – я сумел освободиться от сомнений.

В 50 лет – я познал волю Неба.

В 60 лет – я научился отличать правду от лжи.

В 70 лет – я стал следовать зову моего сердца и не нарушал

Ритуала.

Конфуций

Отец хотел сына, у матери были видения, предвещающие появление великого человека. Когда ребенок родился, на его теле имелись 49 знаков будущего величия. Это был Кун Фуцзы, или Конфуций.

Конфуций имел необыкновенную восприимчивость к учению. Его развитый ум усваивал все знания, изложенные в классических книгах. В 17 лет Конфуций уже занимал должность государственного чиновника. В 25 лет за свои бесспорные достоинства Конфуций получил общественное признание. Благородный правитель пригласил его посетить столицу Победоносной. Это путешествие дало Конфуцию почувствовать себя наследником и хранителем древней традиции. Он решил создать свою школу для познания Законов окружающего мира. Учение, созданное им, впоследствии стало государственной идеологией.

Книга «Вечная мудрость» – это записи высказываний Конфуция, сделанные его учениками и последователями.

Глава I. Не приятно ли учиться...

1

Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный муж, кто не гневается, что он не известен другим?»

2

Философ сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома – уважительна к старшим, отличать осторожностью и искренностью (правдивостью), обильною любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными. Если по исполнении сего останется свободное время, то посвящать его учению».

3

Цзы-ся сказал: «Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похоти, служит родителям до истощения сил, государю – до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я, конечно, назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей».

Цзы-ся – ученик Конфуция по фамилии Бу, по имени Шан¹.

4

Учитель сказал: «Если совершенный муж (изюнь-цзы) не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружись с людьми, которые хуже тебя; если ошибся, не бойся исправиться».

5

Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорогá естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых, и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует, ибо знать только, что она дорога, и ограничиваться ею одною, не регулируя ее церемониями, также невозможно».

По толкованию Чэн-цзы, между церемониями, или житейскими правилами, и гармонией, или естественной непринужденностью, должно существовать полное равновесие без малейшего преобладания, и тогда только деятельность человека будет следовать правильным путем.

6

Ю-цзы сказал: «Если условие согласно с справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормою, избавляет нас от срама. Если тот, на кого опираются, заслуживает сближения с ним, то его можно взять в руководители».

7

Философ сказал: «О том благородном муже, который в еде не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается, для исправления себя, к людям нравственным, можно сказать, что он любит учиться».

¹ Курсивом даны примечания переводчика.

8

Философ сказал: «Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

Глава II. Кто управляет...

1

Философ сказал: «Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить Северной Полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее».

2

Философ сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться».

По мнению китайцев, законы – это орудие установления порядка, а наказания – вспомогательные для этого средства.

3

Философ сказал: «В 15 лет у меня явилась охота к учению; в 30 лет я уже установился; в 40 лет у меня не было сомнений; в 50 лет я знал волю Неба; в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины; а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца, не преходя должной меры».

Под именем воли Неба разумеются небесные законы, разлитые во вселенной, присущие каждой вещи, каждому явлению и определяющие его деятельность. С полным познанием и совершенным усвоением этих законов, или, выражаясь другими словами, мировой истины, слух человека делается немедленным, непосредственным и покорным проводником ее. Это есть высшая степень знания. В 70 лет человек достигает полного равновесия, той желанной для конфуцианства середины, которая исключает возможность уклонений, и потому нет необходимости напрягать усилия для того, чтобы действия его были правильны, они сами по себе свободно правильны: при таком состоянии он, конечно, может следовать влечениям своего сердца без опасения, что оно увлечет его на недолжный путь.

В древности в 15 лет начинали великое учение, т. е. приступали к изучению этико-философских принципов, необходимых для взрослых.

4

Философ сказал: «Я разговариваю с Хуэем целый день, и он не возражает, как будто совершенно глуп; но когда после его ухода я вникаю в его частную жизнь, то нахожу, что он в состоянии уяснить мое Учение. Хуэй неглуп».

Хуэй – ученик Конфуция по фамилии Янь, по прозвищу Цзыюань, луский уроженец. Хуэй (Янь Хуэй, Цзыюань) – один из наиболее замечательных учеников Конфуция, был моложе учителя на 30 лет.

5

Философ сказал «Где может укрыться человек, где он сможет укрыться, если мы будем обращать внимание на его деятельность, всматриваться в его побуждения и вникать в то, что ему доставляет удовольствие?»

6

Философ сказал: «Кто повторит старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других».

7

Философ сказал: «Благородный муж не есть оружие, годное только для одного какого-либо употребления».

8

Цзы-гун спросил: «Кто есть благородный муж?» Философ сказал: «Тот, который сначала действует, а потом говорит».

9

Философ сказал: «Благородный муж заботится об общих, а не о партийных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о партийных, а не об общих интересах».

10

Философ сказал: «Ю, научить ли тебя Знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь; чего не знаешь, то и считай, что не знаешь, – вот это и будет Знание».

Ю – ученик Конфуция по фамилии Чжун, по имени Цзы-лу, отличавшийся храбростью.

11

Ай-гун спросил: «Что нужно сделать, чтобы народ был покорен?» Философ отвечал: «Если возвышать прямых людей и устранять бесчестных, то народ будет покорен; если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен».

Ай-гун – луский князь по имени Цзян.

12

На вопрос Цзи Кан-цзы, как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру, Философ отвечал: «Управляй им с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру».

Цзи Кан-цзы – луский вельможа из фамилии Цзи-Сунь по имени Фэй.

13

Некто, обратясь к Конфуцию, спросил: «Почему вы не служите?» Философ сказал: «Что сказано в «Шуцзине» о сыновней почтительности [государя Чэня]? «Он был всегда почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых (т. е. домашних)» – это и будет служба. Почему же только занятие известного поста следует считать службой?»

14

Философ сказал: «Приносить жертвы чужим пенатам – это значит выслуживаться. Сознать долг и не исполнять его – это трусость».

Глава III. Восемь рядов

1

Конфуций отозвался о фамилии Цзи, у которой было 8 рядов танцоров, танцевавших во дворце, что, если у нее на это хватило присутствия духа, то на что у нее не хватит его?

У императора было 8 рядов танцоров по 8 человек в каждом, у удельных князей – 6 по 6 человек в каждом, у вельможи – 4 по 4 человека в ряду, а у простого чиновника – 2 ряда по 2 человека в каждом. Таким образом, вельможи этой фамилии предвосхитили привилегии императоров.

2

Философ сказал: «Если человек негуманен, то что толку в церемониях? Если человек негуманен, то что толку в музыке?»

Чэн-цзы говорит: «Гуманность – это истинный Небесный закон, и когда он утрачен, тогда нет ни порядка, ни гармонии; а когда их нет, то для чего же нужны правила и музыка?»

3

Линь-фан спросил о сущности (основе) церемоний. Философ сказал: «Как велик этот вопрос! В соблюдении церемоний лучше быть скромным, а в исполнении траурных церемоний лучше проявлять скорбь, чем благолепие».

4

Перед отправлением вельможи Цзи на гору Тай-шань для принесения жертвы Философ, обратившись к Жань-ю, сказал: «Не можешь ли ты переубедить его?» Тот ответил: «Не могу». Тогда Философ сказал: «Увы! Ужели дух горы Тай-шань хуже Линь-фана?»

Принесение жертв знаменитым горам и рекам составляло привилегию императоров. Впрочем, и удельные князья пользовались правом принесения жертв духам известных гор и рек, но только лежащих на территории их владений. Таким образом, принесение жертвы духу горы Тай-шань, лежавшей в пределах княжества Лу, вельможею Цзи было предвосхищением прав луского князя.

5

Цзы-ся спросил: «Что значит стих Ши-цзина: «Прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту?»» Философ сказал: «Разрисовка производится после грунтовки». «В таком случае и церемонии отходят на задний план», – сказал Цзы-ся. Философ сказал: «Понимающий меня – это Шан (Цзы-ся), с которым только и можно говорить о «Ши-цзине»».

Смысл этого разговора заключается в том, что как в живописи грунт является основой для рисования, так и преданность и искренность являются основами, сущностью церемонии или правил, определяющих жизнь человека, которые поэтому, как наружное проявление этих принципов, занимают второстепенное место.

6

Приноси жертву предкам с таким благоговением, как будто бы они сами присутствуют здесь. Приноси жертву духам, как будто бы духи присутствуют при этом. Философ сказал: «Если я не участвую лично в жертвоприношениях, то это как будто я не приносил их вовсе».

Чэн-цзы говорит: «Я полагаю, что эти слова записаны были учениками Конфуция, как выражение того, с каким почтением (искренностью) он относился к жертвам. А между прочим, мы прибавим, что когда у него спрашивали о духах или загробном мире, то он отзывался неведением».

7

Философ, войдя в храм предков, спрашивал о каждой вещи. Тогда некто сказал: «Кто говорит, что сын цзоуского уроженца знает церемонии? Вступил в Великий храм и расспрашивает о каждой вещи!» Услышав это, Конфуций сказал: «Это-то и есть правило вежливости».

Цзоу – название города в луском княжестве, правителем которого был отец Конфуция Шу Лян-хэ.

8

Философ сказал: «При стрельбе из лука суть дела не в том, чтобы попасть в центр мишени, а чтобы вообще попасть в мишень, потому что силы не у всех одинаковы. Это древнее правило состязания».

В древности стрельба из лука служила для воспитания духа и для проявления искусства, а не силы; а потому в состязательной стрельбе вся суть заключалась не в том, чтобы пронизать центр мишени, что составляет дело силы, а только попасть в цель, что есть дело искусства. В смутный период уделов, эпоху всеобщей борьбы, от стрельбы уже требовалось не только искусство, но и сила.

9

Ай-гун спросила Цзай-во относительно жертвенника духу-покровителю Земли. Цзай-во отвечал: «Сяские государи обсаживали жертвенники соснами, иньские – кипарисами, а чжоуские – каштанами, чтобы заставить народ трепетать». Услышав об этом, Философ сказал: «Когда дело сделано, нечего говорить о нем, делу дан ход, нечего соваться с увещаниями и за прошлое нечего винить».

Эти самые деревья служили олицетворением духа земли, который будто бы вселялся в них, как ныне, например, люди называют какое-нибудь дерево святым.

Фраза «чтобы заставить народ трепетать», сама по себе непонятная, объясняется тем, что знак „Ли“, «каштан», в то же время имеет значение «трепетать», и потому чжоусцы, сажая в ограде жертвенника земли каштаны, как бы имели целью внушить трепет народу. И действительно, это было страшное место, потому что в древности здесь казнили заслушание царских приказаний; во время походов возили с собою дицицу, представлявшую духа земли, и перед нею казнили ослушников.

Цзай-во – ученик Конфуция по имени Юй, луский уроженец.

10

Философ, объясняя музыку главному лускому капельмейстеру, сказал: «Музыку, ее можно знать: сначала настраивают инструменты, затем звуки должны быть гармоничны, отчетливы и литься непрерывно до окончания пьесы».

11

Пограничный чиновник города И просил дозволения представиться Конфуцию, говоря: «Всякий раз, как благородный муж жаловал сюда, я никогда не лишался возможности видеть его». Ученики Конфуция ввели чиновника. По удалении его Конфуций сказал: «Дети мои, чего вы беспокоитесь, что я потерял место? Империя давно уже находится в бес-

порядке, и Небо хочет, чтобы ваш Учитель был колоколом с деревянным языком (провозвестником истины)».

Факт этот, говорят, относится к тому времени, когда Конфуций, потеряв место президента Уголовной палаты в уделе Лу, удалился оттуда.

12

Философ отзывался о музыке Шао (Шуня), что она вполне прекрасна и вполне нравственна, а о музыке У-вана, что она вполне прекрасна, но не вполне нравственна.

Такая разница в характеристике музыки Шуня и У-вана обуславливается тем, что первый получил престол мирным путем посредством уступки его Яо и является идеалом мирного государя, тогда как У-ван достиг его силою оружия и является идеалом воинственного государя.

13

Философ сказал: «Когда правитель не великодушен, в исполнении церемоний невнимателен и во время траура не выражает скорби, то где же у меня критерий для суждения о его деятельности?»

Глава IV. Прекрасна та деревня...

1

Философ сказал: «Прекрасна та деревня, в которой господствует любовь. Если при выборе места мы не будем селиться там, где царит любовь, то откуда можем набраться ума?»

2

Философ сказал: «Человек, не имеющий любви, не может долго выносить бедность и не может постоянно пребывать в радости. Человеколюбивый находит спокойствие в любви, а мудрый находит в ней выгоду».

В первом случае человеколюбие отождествляется с человеком; я – это человеколюбие, человек – это я, а во втором – оно раздвояется, т. е. сердце человека и человеколюбие не составляют одного целого. Впрочем, тот и другой исполняют требования человеколюбия, но первый побуждается к этому самим же человеколюбием, а второй – выгодой.

3

Философ сказал: «Только гуманист может любить людей и ненавидеть их».

Такое право приобретается им в силу того, что только он обладает полнейшим беспристрастием, бескорыстием и правотою.

4

Философ сказал: «Я не видел человека, любящего гуманность, который бы ненавидел негуманность, потому что тот, кто любит гуманность, ставит ее превыше всего; тот, кто ненавидит гуманность, поэтому и будет поступать негуманно и не допускать ничему негуманному прикасаться к нему. Но я не видел, чтобы у человека не достало сил быть гуманным, если бы он хоть однажды смог приложить для этого старание. Может быть, и есть, но я не видел такого».

5

Философ сказал: «Если человек поутру постигает истинный закон вещей, то вечером он может умереть без сожаления».

6

Философ сказал: «С ученым, который, стремясь к истине, в то же время стыдится плохого платья и дурной пищи, не стоит рассуждать об Учении».

7

Философ сказал: «Благородный муж думает о добродетели, а низкий – о спокойствии; благородный муж боится закона, а низкий – жаждет корысти».

8

Философ сказал: «Если кто сможет управлять государством с уступчивостью, требуемой церемониями, то какие затруднения встретит он в этом? Если кто не будет в состоянии управлять государством с уступчивостью, к которой обязывают церемонии, то для чего ему эти церемонии?»

Уступчивость есть сущность церемоний, или житейских правил.

9

Философ сказал: «Не беспокойся, что у тебя нет должности, а беспокойся, каким образом устоять на ней; не беспокойся, что люди не знают тебя, а старайся поступать так, чтобы тебя могли знать».

10

Философ сказал: «При виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного – исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков)».

11

Философ сказал: «Служа родителям, следует осторожно увещевать их; если заметишь, что они не слушают, увеличь почтительность, но не оставляй увещеваний; будут удручать тебя, не ропщи».

Толкователи идут далее: сын не должен роптать на родителей даже в том случае, если они за обращенные к ним увещевания подвергнут его жестокому побоям.

12

Философ сказал: «Когда родители живы, не отлучайся далеко, а если отлучишься, то чтобы место пребывания непременно было известно».

13

Философ сказал: «Нельзя не помнить возраста своих родителей, чтобы, с одной стороны, радоваться за их долголетие, а с другой – опасаться, как бы преклонный возраст не свел их в могилу».

14

Философ сказал: «Благородный муж желает быть медленным на слова и бодрым на дела».

Глава V. Гун Е-чан

1

Философ сказал о Гун Е-чане, что его можно женить, несмотря на то, что он [был некогда] связан [тюремными] узами, ибо это не его вина, с чем и женил его на своей дочери.

Гун Е-чан, ученик Конфуция, возвращаясь из Вэй в Лу услышал крик птиц, направлявшихся к горному ручью клевать там труп человека. Спустя немного времени он увидел плачущую старуху, которая на вопрос о причине ее плача отвечала, что ее сын, отлучившийся несколько дней тому назад, до сих пор не возвращается, – вероятно, он уже умер. На это Е-чан отвечал: «Сейчас стая птиц направилась к горному ручью клевать человеческий труп». Отправившаяся к ручью старуха, узнав о трупе своего сына, заявила об этом деревенским властям, которые спросили ее, откуда она узнала все это. Старуха передала им свой разговор с Е-чаном, которого и арестовали по подозрению в убийстве.

2

Философ сказал о Нань-жуну: «В государстве, где есть закон, он не пропадет; где нет его – избежит казни», – и вследствие этого женил его на своей племяннице.

Нань-жун – ученик Конфуция по имени Тао, иначе Го, по прозванию Цзы-жун, имевший посмертный титул Цзин-шу.

3

Некто сказал: «Юн – человек гуманный, но не говорун». Философ сказал: «К чему нужна говорливость? Парировать людям софизмами – вызывать у них отвращение к себе. О его гуманизме я не знаю, но к чему ему красноречие?»

Юн – ученик Конфуция по фамилии Жан, по прозванию Чжун-гун, луский уроженец.

4

Философ посылал Ци Дяо-кай служить. Тот отвечал: «Я не могу быть уверен в том, что гожусь для этого». Конфуций остался доволен.

Ци Дяо-кай – ученик Конфуция по прозванию Цзы-жо, цайский уроженец.

5

Мэн У-бо спросил: «Гуманен ли Цзы-лу?» Философ сказал: «Не знаю». Тот спросил его в другой раз. Тогда философ сказал: «В удельном княжестве, располагающем 1000 колесниц, Цзы-лу можно поручить управление войском, но я не знаю, гуманен ли он». Мэн У-бо вновь спросил: «А каков Цю?» Конфуций ответил: «Цю можно сделать правителем города в 100 семей или владения фамилии, имеющей 100 колесниц, но гуманен ли он, я не знаю». «А Чи каков?» – вновь поинтересовался Мэн У-бо. Философ ответил: «Чи, если он наденет пояс и станет во дворце, то ему можно поручить занимать чужеземных гостей, но гуманен ли он, я не знаю».

Чи – ученик Конфуция по фамилии Гун-си, по прозванию Цзы-хуа, луский уроженец.

6

Философ, разговаривая с Цзы-гуном, спросил: «А из вас с Хуэем кто лучше?» Цзы-гун ответил: «Как я осмелюсь сравнивать себя с Хуэем? Если он услышит о чем-либо одно, то, основываясь на этом одном, узнает о нем все. А я, услышав о чем-либо одно, узнаю только вдвое». Философ сказал: «Да, это верно, я согласен, что ты не равен ему».

7

Цзы-лу боялся услышать что-нибудь новое, прежде чем услышанное им ранее могло быть приведено в исполнение.

Другой перевод: «Цзы-лу, услышав что-нибудь доброе, чего он покуда еще не мог привести в исполнение, боялся только, как бы не услышать еще чего-нибудь нового».

8

Цзы-гун спросил: «Почему Кун Вэнь-цзы назвали „образован-ным“?» На это Философ сказал: «Несмотря на быстрый ум, он любит учиться и не стыдится обращаться с вопросами к низшим, поэтому-то его и назвали образованным».

Кун Вэнь-цзы – вэйский вельможа по имени Юй. Кун – это его фамилия, а «Вэнь-цзы» (образованный муж) – это посмертный титул, который был дан ему за любовь к знанию. Между тем об этом господине рассказывают, что он отбил у другого его жену, а когда последний вступил в связь с ее сестрой, то, восплавав гневом, этот господин принудил бежать его в другое царство.

9

Конфуций отозвался о Цзы-чане, что он обладал четырьмя качествами благородного мужа: скромнен по своему поведению, почтителен к старшим, щедр в пропитании народа и справедлив в пользовании его трудом.

Цзы-чань – прозвище чжэнского вельможи Гун Сунь-цяо.

10

Философ сказал: «Янь Пинчжун был искусен в обращении с людьми, сохраняя к ним почтительность и после продолжительного знакомства».

Янь Пин-чжун – цийский вельможа по имени Ин.

11

Философ сказал: «Цзан Вэньчжун посадил большую черепаху в комнату, в которой на капителях были вырезаны горы, а на столбиках над матицей нарисованы были водяные растения. Каков же его ум?»

Как видно из объяснений, мотивом для устройства такого роскошного помещения для черепахи служило то, что этот господин считал черепаху породы цай за божество и приносил ей жертвы, а Конфуций признавал это за суеверие – продукт невежества, и потому, конечно, не мог считать Вэнь-чжуна за человека умного. Впрочем, черепаха и до сих пор у соотечественников мудреца находится в числе пяти предметов поклонения, пред одним из которых, а именно змеей, во время наводнения в Тянь-цзине преклонял колена такой знаменитый государственный и ученый муж, как покойник Ли Хун-чжан. Цзан Вэнь-чжун – луский вельможа.

12

Цзи Вэнь-цзы трижды подумает, а потом уже исполнит. Услышав об этом, Философ сказал: «И дважды довольно».

Цзи Вэнь-цзи – луский вельможа по имени Син-фу.

13

Философ, находясь в уделе Чэнь, сказал: «Надо возвратиться! Мои детки стали высокоумны и небрежны в деле; хотя внешнее образование их и закончено, но они не знают, как сдерживать себя».

Слова эти были сказаны Конфуцием после продолжительного и утомительного странствования, безрезультатного и исполненного разочарований, так как его излюбленные политические доктрины нигде не встретили полной симпатии и искренней готовности к их осуществлению.

14

Философ сказал: «Цзо Цю-мин стыдился лукавых речей, вкрадчивой наружности и чрезмерной почительности, и я также стыжусь их. Цзо Цю-мин стыдился дружить с человеком, против которого таил в душе неудовольствие, и я стыжусь этого».

15

Философ, обратившись к присутствовавшим Янь-юаню и Цзы-лу, сказал: «Почему каждый из вас не выскажет своих желаний?» Тогда Цзы-лу сказал: «Я желал бы иметь экипаж, лошадей и легкую шубу, которыми бы я делился с друзьями и не роптал бы, когда бы они пришли в ветхость». Янь-юань сказал: «Я желал бы не хвастаться своими совершенствами и не разглашать о своих подвигах». Цзы-лу сказал: «Мы хотели бы слышать о ваших желаниях». Философ сказал: «Я желал бы старых успокоить, с друзьями быть искренним и малых лелеять».

Глава VI. Юна можно поставить...

1

Философ сказал: «Юна можно поставить лицом к югу». Тогда Чжун-гун спросил Конфуция о Цзы Сан-бо-цзы; тот отвечал: «Годится – он нетребователен». Чжун-гун спросил: «Разве нельзя управлять народом, будучи внимательным к самому себе и либеральным в деятельности? Но быть нетребовательным как к самому себе, так и к своей деятельности – разве это не будет уж слишком нетребовательно?» Философ сказал: «Слова Юна справедливы».

Юн – ученик Конфуция по имени Чжун-гун; он отличался великодушием, нетребовательностью и солидностью – качествами, необходимыми для государя, для правителя, который решает государственные дела, сидя на троне с лицом, обращенным на юг; а потому эта фраза является синонимом царской или княжеской власти.

2

Когда Цзы-хуа был отправлен в Ци, то Жань-цзы просил хлеба для его матери. Философ сказал: «Дай ей один фу (6 мер 4 гарнца)».

Жань-цзы просил прибавить. Философ сказал: «Дай ей один юй (16 мер)». Жань-цзы дал ей 5 бинов (80 мешков по 4 пуда 12 футов в каждом). Тогда Философ сказал: «Я слышал, что когда Чи (Цзы-хуа) отправился в Ци, то он поехал на сытой лошади и одет был в легкую (богатую) шубу. Благородный муж помогает нуждающимся, но не прибавляет к богатствам богатых».

3

Когда Юань-сы был при Конфуции управляющим и Конфуций давал ему 900 мер хлеба, то тот отказывался. Учитель сказал: «Не отказывайся, а возьми и раздай соседям, живущим с тобою в одном хуторе, деревне, селе или волости».

Юань-сы – ученик Конфуция по имени Сянь, бывший при Конфуции управляющим в то время, когда он сам был министром уголовных дел в Лу.

4

Цзи Кан-цзы спросил Философа: «Можно ли допустить Чжун-ю до участия в управлении?» Тот ответил: «Ю – человек решительный. Что для него значит участвовать в управлении?» Цзи Кан-цзы спросил: «Ну, а Цю можно допустить?» Философ сказал: «Цю, он талантливый человек. Какая трудность для него участвовать в управлении?»

5

Цзи-ши посылал Минь-цзы-няня правителем города Ми. Минь-цзы-цянь сказал посланному к нему с известием: «Вежливо откажись за меня, а если в другой раз будет приглашать меня, то я непременно уйду на реку Вэнь».

Минь-цзы-нянь – ученик Конфуция по имени Сунь, луский уроженец.

6

Бо-ню заболел. Философ, навестив его, взял через окно его руку и сказал: «Умрет – такова судьба. Такой человек и умирает от такой болезни!»

Бо-ню, по фамилии Жань, по имени Цзин, луский уроженец. Согласно церемониям, больного, в случае посещения его владельческими особами, из-под северного окна, где он обыкновенно лежал, переносили под южное для того, чтобы лицо правителя оставалось

обращенным на юг. Родные Бо-ню из уважения к Конфуцию тоже перенесли его под южное окно; но Конфуций отклонил эту честь.

Бо-ню умирал от проказы. Он был известен своими добродетелями и уступал в этом отношении только одному Янь-хуэю.

7

Философ сказал: «Какой достойным человек Янь-хуэй! Он довольствовался одной чашкою риса и одним ковшом воды и жил в отвратительном переулке. Другой бы не мог вынести этих лишений, а он не изменял своей веселости. Какой достойный человек Хуэй!»

8

Жань-цю сказал: «Не потому, чтобы я не находил удовольствия в твоём Учении, а сил у меня не хватает». Философ сказал: «Те, у которых не достаёт сил, останавливаются на полпути; теперь ты сам себя ограничиваешь».

Этим Конфуций хотел сказать, что Жан-цю имеет достаточно сил, но не хочет двигаться вперед.

9

Философ сказал: «Мэн-чжи-фань не хвастался своими заслугами. Когда его войско обратилось в бегство, он следовал позади его, а при вступлении в город стегнул своего коня, сказав: «Я не смел бы оставаться позади, да конь не шел вперед».

Мэн-чжи-фань, луский вельможа по имени Це, это тот самый, который, по замечанию г-на Ху, у Чжуан-цзы известен под именем Мэн-цзы-фаня.

10

Философ сказал: «Без красноречия Чжу-То и красоты сунского принца Чжао трудно избежать ненависти в наш век».

Чжу – название чина в храме предков. То – вэйский вельможа по прозванию Цзы-юй, известный своим красноречием. Сунский принц Чжао, известный своей красотой и развратом, пользовался благосклонностью своей сестры, известной развратницы, вэйской княгини Нань-цзы.

11

Философ сказал: «Когда природа берет перевес над искусственностью, то мы имеем грубость, а когда искусственность преобладает над природой, то мы имеем лицемерие; и только пропорциональное соединение природы и искусственности даёт благородного человека».

12

Философ сказал: «Тот, кто знает Учение, уступает тому, кто находит в нём удовольствие».

13

Философ сказал: «С человеком, способности которого выше посредственных, можно говорить и о высоких предметах, а с тем, у которого они ниже, нельзя».

14

Фань-чи спросил: «Кого можно назвать умным?» Философ ответил: «Умным можно назвать того, кто прилагает исключительное старание к тому, что свойственно человеку,

почитает духов, но удаляется от них». «А человеколюбивым?» – спросил Фань-чи. «А человеколюбивым, – сказал Философ, – можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного (т. е. победу над собой), а выгоду – на втором».

15

Философ сказал: «Умный находит удовольствие в воде, потому что видит в ней, вечно текущей, неустанную и никогда не знающую покоя силу ума в его стремлении к познанию истины; тогда как гуманный любит горы как символ постоянства и незыблемости тех непреложных и неизменных основ, из которых вытекает гуманизм».

16

Цзы-гун сказал: «Вот если бы нашелся человек, который, щедро раздавая народу, мог бы помочь всем! Что бы вы сказали о нем? Можно ли его назвать гуманным?» «Только не гуманным, – сказал Философ, – но непременно мудрым. Ведь об этом скорбели даже Яо и Шунь. Гуманист, сам желая иметь устои, создает их и для других; сам желая развиваться, развивает и других. Быть в состоянии смотреть на других, как на самого себя, – вот что можно назвать искусством гуманизма!»

По толкованию Чэн-цзы, гуманист смотрит на всю природу как на один организм, как на самого себя, а признавая ее за самого себя – чего он не может сделать для нее?!

Китайцы называют паралич негуманностью, выражая этим то, что парализованный член уже не принадлежит организму, потерял с ним всякую связь и не входит в область его заботливости.

Мысль в основе своей весьма оригинальная и глубокая. Поэтому-то щедрое подаяние и помощь всем членам организма как высшее проявление гуманности – это работа святого, работа мудреца.

Глава VII. Я передаю старину...

1

Философ сказал: «Я передаю старину, а не сочиняю; верю в старину и люблю ее, и позволяю себе сравнивать себя с моим старым Лао-пыном».

Говорят, что Лао-пын был достойный вельможа шанской династии.

Труд Конфуция как собирателя и ценителя всего того, что было сделано и оставлено древними мудрецами, Чжу-си ставит выше творчества.

2

Философ сказал: «В молчании обогащать себя познаниями, учиться с ненасытной жаждою и просвещать людей, не зная усталости, – какое из этих трех качеств есть во мне?»

3

Философ сказал: «То, что мы не преуспеваем в добродетели, не уясняем себе изучаемого, не можем устремляться на зов долга и не в состоянии исправить свои недостатки, – вот о чем я скорблю».

4

Философ сказал: «Ужасно я опустился и давно уже не вижу во сне Чжоу-гуна».

Этим философ хочет сказать, что из-за упадка сил у него остыло стремление к осуществлению принципов Чжоу-гуна, что составляло всегда его заветную мечту.

5

Философ сказал: «Стремись к истине, держись добродетели, опирайся на гуманность и забавляйся свободными искусствами».

Под свободными искусствами разумеются: церемонии, музыка, стрельба, управление колесницей, письмо и счет.

6

Философ сказал: «Неретивых я не просвещаю; не сгорающим от нетерпения получить разъяснения – не объясняю; своих уроков не повторяю тем, которые по одному приподнятому углу не отгадывают трех остальных».

Другой перевод: «Которые на основании одной сообщенной им о предмете идеи не в состоянии обнять остальных его сторон».

7

Когда Философу приходилось кушать после лиц, одетых в траур, он никогда не наедлся досыта.

8

Философ не ел в тот день, когда плакал.

9

Философ, обратясь к Янь-юаню, сказал: «Употребляют нас в дело – мы действуем, устраняют нас от него – мы скрываемся. На это способны только мы с тобой».

Цзы-лу спросил: «Если бы вы предводительствовали армией, то кого бы вы взяли с собой?» Философ сказал: «Я не взял бы с собою того, кто бросается на тигра с голыми

руками или пускается без лодки по реке и умирает без сожаления. Я взял бы непременно того, кто в момент действия чрезвычайно осторожен и, любя действовать обдуманно, достигает успеха».

10

Философ сказал: «Если бы богатства можно было домогаться, хотя бы для этого пришлось быть кучером или погонщиком, я сделался бы им, а как его нельзя домогаться, то я займусь тем, что мне нравится».

По мнению китайцев, богатство зависит от судьбы или предопределения Неба, и оттого благородный муж не ищет богатства и почестей; не потому, чтобы он питал к ним отвращение, а именно в силу того, что достижение их не зависит от человека.

11

Философ во время пребывания в Ци, услышав музыку Шао, в течение трех месяцев не находил вкуса в мясе, говоря, что он не ожидал, чтобы эта музыка была в такой степени очаровательна.

В исторических записках Сы-ма-цяня перед словами «три месяца» поставлены еще слова: сио-чжи, изучал ее, т. е. музыку Шао. По объяснению толкователей, музыка Шао был самую прекраснейшую и нравственнейшую.

12

Жань-ю спросил Цзы-гуна: «Учитель за вэйского государя, а?» «Хорошо, – сказал Цзы-гун, – я спрошу его», – и, войдя к Конфуцию, он сказал: «Что за люди были Бо-и и Шу-ци?» «Древние добродетельные люди», – отвечал Философ. Цзы-гун снова спросил: «Роптали ли они?» Конфуций отвечал: «Они стремились к гуманности и обрели ее. Чего же им было роптать?» Цзы-гун вышел и сказал Жань-ю: «Учитель не за вэйского государя».

Под именем вэйского государя здесь разумеется Чу-гун-чжэ. Когда после смерти князя Лина, изгнавшего своего сына Куай-гуя за покушение на мать, Нань-цзы, вэйцы возвели на престол сына последнего – Чжэ, то удел Цзинь принял сторону Куай-гуя, но Чжэ оказал вооруженное сопротивление своему отцу. В это время Конфуций находился в Вэй.

О Бо-и и Шу-ци известно следующее. Это были два сына гучжуского владельца, который перед смертью назначил своим преемником Шу-ци, т. е. младшего сына. Когда он умер, Шу-ци стал уступать престол Бо-и, как старшему брату, но Бо-и, сказав, что такова воля родителя, бежал; в свою очередь Шу-ци также бежал. Потом, когда У-ван собирался в поход против последнего иньского императора Чжоу, то братья, удерживая его лошадь, останавливали его от этого похода. Но У-ван все-таки уничтожил шанскую династию. Тогда братья, стыдясь есть хлеб У-вана как узурпатора, удалились в горы и там погибли с голода. Приведя эти примеры в ответ на вопрос Жань-ю, Конфуций хотел этим сказать, что он не одобряет поступка Чжэ, вставшего против своего отца.

13

Философ сказал: «Если бы мне прибавили несколько лет жизни для окончания изучения «И-цзина», тогда у меня не было бы больших погрешностей».

14

Предметом постоянного разговора Философа служили «Ши-цзин», «Шу-цзин» и соблюдение церемоний; обо всем этом он постоянно говорил.

15

Философ сказал: «Я не тот, который обладает Знанием от рождения, а тот, который, любя древность, усердно ищет ее».

16

Философ не говорил о чудесном, о физической силе, о смутах и о духах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.